

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н13

Художественное оформление серии
Алексея Дурасова

Набатникова, Аглая.
Н13 Рехилинг / Аглая Набатникова. — Москва :
Эксмо, 2019. — 256 с.

ISBN 978-5-04-099903-3

У женщин все сложно.

Женщинам иногда нужна перезагрузка. Раскрепоститься, преодолеть свои комплексы, уехать далеко от дома, предать, вернуться и начать все сначала. Влюбиться, соблазнить и разлюбить. Разбить сердце — свое в том числе. Наконец, просто иногда побыть мужчиной, чтобы взглянуть на себя со стороны...

Рассказы Аглаи Набатниковой — яркие, острые, иногда злые. Но при этом — вызывающе искренние.

Да, я такая, какая есть.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Набатникова А., текст, 2019
© Боровкова Д., фото на обложку, 2019
ISBN 978-5-04-099903-3 © ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ДЕНЬ ГОРОДА

Это был праздник города, когда мой папа спас девушку.

Девяносто пятый год, провинциальный город. Была поздняя осень, выпал первый тонкий слой снега. На улицу в этот вечер отец запретил мне выходить. Мне тринадцать лет, я ходила в школу и на кружки типа баскетбола и художественной школы. Но сегодня меня не пустили и туда.

Папа был очень строгим — мы жили с ним и с бабушкой в просторной квартире на пятом этаже, я в его большой комнате за перегородкой с ситцевой занавеской, бабушка в маленькой, с телевизором и фотопортретом во всю стену моей тёти-фигуристки на выступлении.

Я не могла мечтать о дискотеках в Доме офицеров, куда ходили мои подружки, на-

девая мини-юбки и густо крася лицо. Денег на нарядную одежду, честно говоря, у меня и не было, мы жили на папин доход врача «Скорой помощи» и бабушкину пенсию. Иногда помогала мама из Москвы, но отец, видимо, не считал нужным тратиться на мой поиск приключений — именно так он относился к дискотекам и прочим гуляниям.

У меня не было парней, только подруги; вечером я возвращалась из художки на автобусе, и меня уже встречал папа — в девять всегда темнело, а приходить позже мне запрещалось. Исключений не было, а рисковала я наказанием типа порки ремнём или подзатыльника, которое у нас не возбранялось, я старалась до него не доводить.

По главной улице провинциального города шли толпы гуляющих. Движение транспорта перекрыли. Мэрия организовала концерт столичных звёзд на стадионе. Наши окна выходили во двор, и я не могла видеть всего этого великолепия, но до меня доносился гул, расстилалось

ДЕНЬ ГОРОДА

эхо музыки и пьяные выкрики молодых парней.

Бабушка уехала, мне было позволено ночевать в её комнате, среди растений, которыми были увиты все стены, — бабушка разговаривала с растениями, и они её любили: пышно цвели круглый год. Сквозь зелёные округлые листья-сердечки я глядела на запорошенную снегом детскую площадку — обыватели спрятались, никто не гулял.

Отец обидел меня своими запретами, мы ссорились.

— Папа, это самый безопасный день, на улице много милиции.

— Много ты понимаешь.

— Почему я на концерт не могу сходить? Вход бесплатный! Вот он рядом, стадион, я только сбегая посмотрю!

— Ты никуда не пойдёшь, это не обсуждается.

— Все девчонки из моего класса сегодня гуляют!

— Они дуры.

— Ты просто сам не любишь людей. И вообще ты скучный, старомодный.

— Я взрослый мужчина, и я знаю, что будет.

— Я тоже знаю, что будет: ты приведёшь бабу.

— Глаша, что это за слова?

— Хорошо, Марину.

— Не называй её Мариной, она тебя старше, у неё есть отчество.

— Старше на шесть лет, угу.

Я знала, чем его вывести из себя, тем более он действительно собирался идти за подругой — я ночевала в отдельной комнате, на дворе праздник, у медсестры Марины выходной, и папа надел по этому поводу свежую голубую рубашку, твидовый пиджак и тщательно расчесал свои мягкие светлые волосы тонкой пластмассовой расчёской.

Папа у меня был красавец, и проблем с женщинами у него не было. Проблемой они становились позже, когда у провинциалок назревал вопрос про замужество, именно в этот момент папа начинал нервничать и страдать — расставаться с обнадёженными женщинами было нелегко,

ДЕНЬ ГОРОДА

они настойчиво звонили, он становился подлецом в собственных глазах.

Мы с бабушкой его успокаивали, бабушка выискивала недостатки в его подругах: «Володя, она же курит!»

Мне его женщины, как правило, нравились, это были витальные и шикарные дамы, в дорогих шмотках типа мехового боа и с престижными профессиями: филолог, актриса кукольного театра, хористка из церкви.

На этот раз его роман случился с простоватой медсестрой, которую выгодно выделял юный возраст, льстящий мужскому самолюбию *rara*, мы с Мариной друг другу «тыкали», хихикали и перемигивались, знали одни и те же группы, имели общие темы, что страшно задевало приверженность моего отца к иерархии.

Я чувствовала, что он виноват, и он чувствовал тоже.

— Ты заставляешь меня сидеть дома, а себе ты не отказываешь в веселье!

— Я взрослый мужчина.

— И что?

— Мужчина может выйти на праздник города, а отроковица нет.

На слово «отроковица» я не отреагировала, это был папин юмор, засмеяться значило проиграть.

— Что ты имеешь в виду? Я не собираюсь ни с кем знакомиться.

Папино лицо искривилось. Ещё бы я собиралась с кем-то знакомиться!

— Ты не знаешь, что бывает в жизни.

Папа подушился французским одколоном перед зеркалом. Вариант пойти гулять на праздник со мной не рассматривался, моё общество интересовало сорокапятилетнего папу куда меньше женского.

— Марина — тупая крашенная блондинка.

— Глаша, ну что ты начинаешь? Зачем?

— Тебя не смущают её жёлтые волосы?

— Пф.

— Ты всё равно на ней не женишься, а она ждёт. Печёт «Птичье молоко»!

— Ты тоже ела это «птичье молоко»!

— Я ради тебя, папа! Я стараюсь вести себя нормально! Оно несъедобное, а я давилась!

ДЕНЬ ГОРОДА

Папа понял, что ему нечем крыть, и стремительно удалился в свою комнату. Послышался щелчок замка на ручке. Хочет дожидаться, когда я уйду в бабушкину комнату, и улизнуть, поняла я. Бережёт энергию.

Раздались звуки салюта и выстрелов, а может быть, лопнувших шин. В девятые звук выстрелов был привычен уху жителя провинциального города.

Вдруг совсем близко через железную дверь квартиры я услышала женский плач. От двери потянуло холодом сквозь щели прямо на мои голые ноги в шортах. Через глазок я рассмотрела, что окно на лестничной площадке распахнуто настежь. В подъезде свистел холодный ветер, стучала рама.

В день, когда выпадает первый снег, происходит много интересного.

На окне спиной ко мне сидела тёмная фигура, по силуэту грузная девушка в мини-юбке. Она протяжно рыдала с завываниями, иногда гневно выкрикивая что-то нечленораздельное.

Загравком я почувяла опасность.

Я отперла и приоткрыла дверь, высунула голову:

— Здравствуйте!

Девушка не реагировала.

Тёмная фигура сидела свесив ноги наружу прямо на проспект с текущим потоком отдыхающих. Праздник стихал. Крупная девушка немногим старше меня раскачивалась и мычала. На её плечи была накинута просторная куртка из толстой кожи, похоже, мужская.

— Эй, привет! — я тихонечко позвала, выйдя за порог своей квартиры.

В лестничной клетке стояла звонкая тишина. Соседи, наверное, ушли на праздник.

Девушка закричала громче, закачалась как маятник и кинула бутылку пива вниз перед собой. Мелькнули длинные розовые ногти. Через две секунды послышался звон разбитого стекла. Пятый этаж. Под окнами асфальт, остывающий после множества прохожих; замешанный в грязь мокрый снег застывал в тонкий лёд.

— Глаша! — я услышала раздражённый полушёпот отца.

ДЕНЬ ГОРОДА

Он стоял в дверях, резким жестом приказав мне вернуться. Спорить с ним сейчас было опасно, глаза сверкали.

Я обиженно прошлёпала мимо него тапочками, но почувствовала, как его спина подобралась в рабочем напряжении — раз в трое суток он приходил с дежурства именно таким: сосредоточенным, с застывшим взглядом, полностью погружённым в момент, не замечающим меня.

— Сиди в комнате, никуда не выходи, — процедил отец сквозь зубы.

— Я хотела помочь.

— Иди.

Он спустился к девушке. Обычно двигающийся плавно, как кошка, отец ступал через ступень медленно и сгруппировавшись, как будто нёс тяжёлый шкаф. Дело плохо, поняла я.

Встав позади входной двери, я прислушивалась: толстое железо приглушало звуки. Я не различала слов, только интонацию. Я то прислоняла ухо к двери, закрыв глаза, чтобы услышать больше, то заглядывала в глазок. Таким образом собирая полученные фрагменты в общую картину.

Отец стоял в нескольких шагах от девушки. Когда он пытался приблизиться, она резко вскрикивала и качалась. Со стороны ситуация могла показаться смешной, но изнутри мы прекрасно ощущали, что идём по потусторонней грани, и я, и папа, — мне казалось, что я изо всех сил помогаю папе морально за своей дверью.

«Пожалуйста, пусть всё закончится хорошо», — шептала я в свой кулачок.

Девушка намеревалась прыгать без всяких шуток — бёдрами она уже сползла глубоко на карниз. В пьяном трансе. Присутствие зрителей её только раззадорило. Одно движение — и мы увидим пустой подоконник.

Девушка была высокой и полной, мой отец был намного миниатюрнее. Броситься и вытащить её он бы не смог.

Папа не задавал вопросов, он что-то утверждал короткими спокойными фразами. В них не было страха, в них не было жалости, в них было уважение и любовь к этой чужой женщине-человеку. Возможно, он говорил ей, что она красива или что у неё будут дети, я не знала.

ДЕНЬ ГОРОДА

На своей работе папа часто ходил по грани, но сейчас он был не уверен в себе — я видела это по его растерянной позе.

Девушка начала отвечать. Интонация гуляла, то поднимаясь высоко на крик, то превращаясь в глухие горловые рыдания. Наверное, она рассказывала о том, что с ней случилось. Во всём этом звучал вопрос «почему я?» «за что?» и ещё сомнения в том, что с ней это случилось реально, а не приснилось ей.

Если бы папа увидел, что я подслушиваю, он бы меня не пощадил.

Девушка тихо всхлипнула и дала папе подойти ближе. Он резко взял её сзади за плечи и втащил на лестничную площадку.

Нелегко тягать такую слониху, подумала я. В то же время я рефлексивно расслабила горло и смогла сделать глубокий вдох.

Я отшатнулась от двери, услышав приближающиеся шаги. Гости из потустороннего мира поднимались медленно. Я спряталась в комнате с растениями, но на всякий случай высунулась в коридор.